

ПОСЛЕДНИЙ
ЛОТОС
ЮНЬ

Джей Хьюм

Последний Лотос Юнь

«Автор»

2026

Хьюм Д.

Последний Лотос Юнь / Д. Хьюм — «Автор», 2026

В 3054 году прошлое запрещено помнить. Мэй и её брат Линь годами собирают обрывки истории династии Юнь — государства, исчезнувшего почти две тысячи лет назад вместе со своими правителями, архивами и правдой о собственном падении. Когда поиски приводят их к древнему тайнику, они рассчитывают найти ответы. Вместо этого открывается путь туда, куда невозможно было вернуться, — в последние дни Юнь. Теперь легенды обретают лица, имена из запрещённых хроник принадлежат живым людям, а события прошлого оказываются совсем не такими, какими их сохранила история. Чтобы вернуться домой, Мэй придётся понять, кто и зачем переписал судьбу целой династии. Но чем ближе она подбирается к истине, тем чаще прошлое отвечает на её присутствие так, словно узнаёт её.

© Хьюм Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джей Хьюм

Последний Лотос Юнь

Глава 1

Глава 1. Хэйань

— Если нас поймают, я скажу, что это была твоя идея.

Линь не сразу ответил. Он сидел на широком каменном карнизе, поджав одну ногу, и что-то записывал на тонком гибком листе, который дрожал от ветра, но не рвался и не намокал. Над ним тускло мигала вывеска давно закрытой чайной; внизу, между высокими стенами домов, проходил ночной патруль Совета — трое в серых плащах, один дрон-наблюдатель и холодный круг света, медленно скользящий по мокрой мостовой.

Мэй лежала у самого края крыши, прижавшись плечом к тёплой трубе вентиляции, и следила за патрулём с тем терпением, которое у неё появлялось только перед дракой, прыжком или кражей. Во всех остальных случаях терпение она считала сомнительным человеческим изобретением.

— Конечно, — сказал Линь наконец, не поднимая головы. — Все хорошие идеи мои.

Мэй слегка повернула лицо.

— А опасные?

Кисть в его руке остановилась. Линь поднял взгляд, и в сером свете Хэйаня его лицо на мгновение стало почти мальчишеским, хотя он был старше её на три года и уже достаточно давно научился говорить с людьми так, будто всё в мире можно было объяснить, если подобрать правильную дату, правильное слово и правильную старую запись.

— Опасные тоже мои, — сказал он. — У тебя слишком дурной вкус, чтобы придумывать настолько изящные преступления.

— Изящные?

— Мы проникаем в закрытый распределительный узел Совета, забираем отчёты о воде, подменяем реестр поставок, открываем резерв нижнему сектору и крадём у зрителя ключ к архивному подуровню. Это не просто преступление, Мэй. Это почти искусство.

— Это называется: мой брат опять нашёл способ умереть с документами в руках.

— Несправедливо. В прошлый раз документов было всего три.

— И две погони.

— Погони не считаются, если нас не поймали.

Она фыркнула, но улыбка всё равно тронула губы раньше, чем она успела её спрятать. С Линем всегда было так. Он умел говорить о смертельной вылазке тем же тоном, каким другие люди спорили о вкусе дешёвого чая, и это иногда раздражало Мэй сильнее, чем сама опасность. Не потому, что он её не понимал. Линь понимал опасность прекрасно. Просто он давно решил, что страх не имеет права быть первым голосом в комнате.

А Мэй слишком хорошо знала: если Линь так решил, переубедить его можно было только связав, заперев и сидя сверху.

И даже тогда он, скорее всего, нашёл бы способ читать лекцию о моральной ответственности узников.

Хэйань лежал под ними слоями серого света. Башни Верховного Совета Единого Порядка поднимались над городом, как обломки огромной машины, когда-то вросшей в землю и забывшей, что она была создана людьми. Между башнями висели экраны. На них беззвучно сменялись лозунги: «Порядок — это милость». «Память — это служение». «Лишний вопрос рождает лишний голод». Ниже, у водной станции, очередь начиналась ещё за два квартала: тёмная

неподвижная лента людей с пустыми канистрами, мешками, детьми, спящими на руках. Хэйань не спал не потому, что был живым. Он не спал потому, что голодным людям редко дарили ночь целиком.

Сегодня Совет снова объявил временное сокращение водной нормы для нижних секторов. Слово «временное» в Хэйане давно потеряло связь со временем. Оно означало только, что тот, кто страдает, не имеет права спрашивать, когда это закончится.

— Ты опять смотришь так, будто хочешь прыгнуть вниз и перерезать горло ближайшему зрителю, — сказал Линь.

— Ближайший зритель сидит за бронированным стеклом, — ответила Мэй. — Я не самоубийца.

— Я не это имел в виду.

— А я это.

Линь убрал лист в водонепроницаемый чехол и подполз ближе к краю, чтобы тоже посмотреть вниз. Его лицо изменилось. Улыбка не исчезла полностью, но стала тоньше, и Мэй сразу поняла: сейчас он видит не очередь. Он видит реестры, распоряжения, старые формулировки, цепочку лжи, которая начиналась где-то так давно, что обычные люди уже не помнили другого языка.

— Сегодня ночью мы не трогаем зрителя, — сказал он.

— Как жаль. Я уже почти решила, что вечер будет приятным.

— Мы забираем ключ.

— И выпускаем воду.

— И выпускаем воду, — согласился он.

— И крадём отчёты.

— Если получится.

— У тебя с собой три пустых носителя и выражение лица «я случайно украл слишком много», так что не притворяйся.

Линь покосился на неё с почти оскорблённым видом.

— Ты стала слишком наблюдательной.

— Я выросла с тобой. Это был вопрос выживания.

Она сказала это легко, но между ними на миг прошла другая тишина. Та самая, которую они обычно обходили шутками. В Хэйане у них не осталось дома в обычном смысле слова: ни двери, которую можно запереть, ни родителей, которые могли бы ждать за ней, ни имени, достаточно безопасного, чтобы произносить его громко. Зато у Мэй был Линь. У Линя была Мэй. И много лет этого хватало, чтобы мир не развалился окончательно.

Патруль внизу свернул за угол. Дрон задержался, осветил пустую крышу соседнего дома, медленно повернулся к ним. Мэй уже лежала на черепице, не издав ни звука, и успела прижать Линя вниз ладонью к затылку прежде, чем он закончил вдох.

Луч света прошёл по краю крыши.

Линь лежал под её рукой неподвижно, но она почувствовала, как он пытается что-то прошептать.

— Если это опять историческая справка, — тихо сказала она, почти не двигая губами, — я сброшу тебя вниз.

Он замолчал.

Свет ушёл дальше.

Мэй убрала руку.

— Я хотел сказать, что у тебя колено на моих записях.

— Записи переживут.

— Некоторые из них старше Совета.

— Тогда пусть докажут свою стойкость.

Линь осторожно вытащил чехол из-под её колена и проверил застёжку. Мэй смотрела на его пальцы: быстрые, тонкие, испачканные чернилами. Он носил оружие, конечно. В их мире без оружия выживали только те, кто был достаточно богат, чтобы за них убивали другие. Но настоящим оружием Линя всегда были не ножи. Он умел находить трещины там, где все видели стену. В документах, в официальных речах, в старых датах, в словах, которые Совет повторял слишком часто.

Именно это пугало Мэй сильнее любого патруля.

Людей с ножами Совет убивал быстро.

Людей с вопросами — тщательно.

Они оба принадлежали Тени Лотоса, хотя слово «принадлежали» Мэй никогда не любила. Тень не была армией и не называла себя сопротивлением вслух. В Хэйане слишком многие красивые слова заканчивались публичным признанием вины. Тень Лотоса действовала иначе: вскрывала водные узлы, выводила детей из исправительных домов, подменяла списки на депортацию, крада зерно у тех, кто называл кражу государственным перераспределением, и оставляла на стенах знак цветка, который Совет упорно называл террористическим символом.

Для большинства в Тени война была простой: Совет забирал, они возвращали. Совет лгал, они срывали плакаты. Совет уводил людей, они открывали двери ночью.

Для Линя этого было мало.

Он не спорил с Тенью, не презирал её, не считал работу маленькой. Наоборот, он мог часами объяснять Мэй, почему один спасённый список иногда важнее громкой победы. Но всё, что они делали, казалось ему борьбой с ветвями дерева, корни которого уходили под город, под историю, под сам язык Хэйаня. И чем глубже он копал, тем чаще возвращался к одному и тому же имени.

Небесный Указ.

В школе его называли первым законом Единства. В храмовых трансляциях — волей Неба к миру. В речах Совета — древним доказательством того, что человечество всегда стремилось к порядку и однажды, почти две тысячи лет назад, наконец выбрало правильную форму послушания. Никто уже не мог сказать, был ли Небесный Указ законом, клятвой, ритуалом или просто удобной легендой, потому что все официальные версии соглашались в главном: без него мир якобы провалился бы в хаос.

Линь не верил версиям, которые слишком хорошо служили власти.

— Мы можем ещё уйти, — сказала Мэй.

Он не сразу ответил.

— Не можем.

— Можем. Вон там технический мост. Через него на крышу прачечной, потом вниз, через рынок, и через двадцать минут мы дома. Я даже позволю тебе купить свой отвратительный чай из водорослей.

— Ты ненавидишь этот чай.

— Я сегодня добрая.

Он посмотрел на неё так мягко, что Мэй сразу пожалела о сказанном. С Линем нельзя было спорить, когда он смотрел вот так. Не потому, что он побеждал. Потому что в такие моменты становилось видно, как долго он уже несёт свою мысль один.

— Мэй, — сказал он. — Я нашёл не просто ещё один фальшивый отчёт.

Она отвернулась к улице.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что отчёты почти всегда фальшивые.

— Линь.

Он замолчал на миг, и за этот миг над городом прошёл порыв ветра. С экранов сорвало звук, лозунг на секунду заикнулся, и весь Хэйань словно показал себя без голоса: серые башни,

мокрые крыши, очередь у водной станции, закрытые окна, тонкие трубы, по которым вода уходила туда, где за неё не стояли ночами.

— Первые упоминания Небесного Указа не совпадают, — сказал Линь тише. — В школьных архивах пишут, что он был создан как закон Единства после эпохи хаоса. В публичных хрониках — что его приняла династия Юнь ради мира. В закрытых фрагментах, которые я нашёл у старого переписчика, сказано обратное: Юнь сопротивлялась ему. Не создала, а сопротивлялась.

Мэй не сразу ответила.

Династия Юнь была из тех мёртвых слов, которые в Хэйане использовали только учителя, пропагандисты и Линь в три часа ночи, когда любой разумный человек уже должен был спать. В официальной истории Юнь была последней великой державой старого мира, которая пала из-за собственной гордыни, а потом, через кровь и распад, оставила будущим поколениям урок: свобода без порядка рождает голод, войну и предательство. Совет любил такие уроки. Они удобно заканчивались выводом, что нынешнее положение вещей — не насилие, а милость.

— И ради этого ты хочешь вскрыть архивный подуровень? — спросила она.

— Ради этого я хочу найти первую запись.

— Первую запись чего?

— Лжи.

Она посмотрела на него.

Линь не улыбался. В такие моменты в нём исчезала вся рассеянность, вся мягкость, всё, за что Мэй обычно над ним смеялась. Оставался человек, который много лет собирал куски разбитой истории и наконец увидел, что осколки принадлежат не той вазе, которую показывали в музеях Совета.

— Ложь не начинается с приказа, — сказал он. — Приказ можно отменить. Ложь начинается, когда её записывают как память. Когда детям дают учебник, где преступление называется спасением, голод — долгом, а покорность — добродетелью. Потом эти дети вырастают, учат своих детей, и через несколько поколений уже никто не спрашивает, кто первым поменял слово.

Мэй долго смотрела вниз, на очередь у водной станции.

— И ты думаешь, если найдёшь первое слово, всё изменится?

— Нет, — честно сказал Линь. — Но если мы не найдём, где это началось, мы никогда не поймём, как это остановить.

Это было очень похоже на Линя: не обещать победы, но всё равно идти. Мэй злилась на него за это. За эту тихую, невозможную верность правде, которая не кормила, не грела, не защищала от дронов и не возвращала мёртвых. Злилась, потому что знала: если он решил идти в архив, он пойдёт. С ней или без неё.

А без неё он умрёт быстрее.

— Ты невозможен, — сказала она.

— Я предпочитаю «последователен».

— Я предпочитаю «головная боль».

— Семейная?

— Хроническая.

Он улыбнулся, и что-то в груди у Мэй отпустило ровно настолько, чтобы она смогла подняться на корточки и проверить улицу ещё раз. Патруль ушёл к северному мосту. Дрон поднялся выше, переключившись на другой сектор. До смены наблюдения оставалось меньше четырёх минут.

— Хорошо, историк, — сказала она. — Напомни мне план, чтобы я успела понять, на каком этапе тебя придётся спасать.

Линь тоже поднялся. Сразу стал собранным, быстрым; не воином, но человеком, который слишком много раз убегал от людей с оружием, чтобы оставаться беспомощным. Он вытащил из чехла тонкий прозрачный лист, на котором едва заметно светилась схема здания.

— Распределительный узел связан с Центральным архивом через старый административный контур. После Реформы памяти большую часть ходов залили бетоном, но не все. Смотритель воды получил временный доступ к нижним реестрам, потому что Совет сверяет нормы по старым квартальным спискам. Его ключ не откроет сам архив, но откроет дверь к техническому спуску.

— То есть мы крадём ключ у человека, который крадёт воду у нижнего сектора.

— Формально он перераспределяет.

— Я перережу ему формальность.

— Нежелательно.

— Ты лишаешь меня всех радостей.

— Я пытаюсь не начинать революцию в водной станции.

— А что мы делаем?

Линь сложил схему.

— Ищем доказательство, что революция началась две тысячи лет назад и её проиграли все, кто даже не понял, что сражался.

Мэй вздохнула.

— Ты понимаешь, что нормальные люди перед вылазкой говорят: вошли, взяли, вышли?

— Нормальные люди не берут тебя на вылазки.

— Нормальные люди скучные.

— Именно поэтому я взял сестру, которая умеет открывать двери ножом.

— Двери открывают не ножом, — сказала Мэй, проверяя крепление на запястье. — Ножом открывают людей, которые стоят перед дверью.

— Вот поэтому я не называю тебя нормальной.

Он произнёс это с такой тёплой, почти домашней нежностью, что Мэй на секунду отвела взгляд. Ей легче было слушать его лекции о мёртвых династиях, чем такие простые вещи. Слова вроде «сестра» в Хэйане были опасны. Не сами по себе, конечно, а тем, что напоминали: у человека есть кто-то, кого можно отнять.

Она первой пошла к краю крыши.

Прыжок до соседнего здания был несложным, если знать, куда ставить ногу, но Линь всё равно помедлил на полсекунды дольше, чем нужно. Мэй уже приземлилась на другую сторону, перекатилась, поднялась и протянула ему руку с насмешливо поднятой бровью.

— Не смей, — сказал он.

— Я ничего не сказала.

— Ты сказала лицом.

— Моё лицо переживает за твоё достоинство.

— Моё достоинство просит тебя отойти.

Он прыгнул. Приземлился тяжело, но удержался, и Мэй поймала его за рукав только для того, чтобы он не съехал по мокрой черепице. Он тут же сделал вид, что именно так и планировал.

— Безупречно, — сказала она.

— Благодарю.

— Почти как мешок с книгами.

— Главное — как очень образованный мешок.

Они двигались по крышам быстро. Линь знал маршрут, Мэй знала, как сделать его безопасным. Она останавливалась на полшага раньше камер, замечала тихий поворот линзы, чувствовала присутствие патруля до того, как слышала шаги. Иногда Линь касался её плеча и

показывал знак: не туда, обход. Иногда она молча хватала его за воротник и утаскивала вниз, в тень вентиляционной шахты, за секунду до того, как над ними проходил луч наблюдения.

Так они и жили последние годы: он искал путь, она удерживала их обоих живыми.

Распределительный узел воды стоял на границе нижнего и среднего секторов, как все здания Совета: гладкий, серый, без окон на первых этажах, с эмблемой Единого Порядка над главным входом. К нему тянулась очередь, но не отсюда, не с крыши. Здесь, наверху, видны были только трубы, резервуары и охранные мостки. Внутри хранилась вода для четырёх кварталов, но по отчётам нижнему сектору третий месяц подряд выдавали «временное сокращение». Временное в Хэйане часто означало: пока никто не умрёт достаточно заметно.

Мэй спустилась первой.

Охранник на заднем мостке успел только повернуть голову. Она возникла у него за спиной без звука, зажала рот ладонью и прижала нож к точке под ребром — не глубоко, только достаточно убедительно. Его тело обмякло не от раны, а от понимания.

— Спокойно, — шепнула она. — Мне сегодня лень убивать.

Линь спустился следом и сразу приложил к замку маленький глушитель. Дверь щёлкнула. Мэй ударила охранника в шею ровно настолько, чтобы он уснул и проснулся с головной болью, а не с героическим желанием поднять тревогу.

— Ты сказала, что тебе лень, — заметил Линь.

— Я передумала.

— Он жив?

— Конечно. Ты же просил без революции.

Внутри узел оказался теплее, чем снаружи. Пахло металлом, хлором и закрытой водой. По стенам шли трубы, на каждой горел маленький индикатор. Система работала безупречно: где-то внизу люди стояли с пустыми канистрами, а здесь вода текла по трубам так спокойно, будто сама выбирала, кому принадлежать.

Линь подключил носитель к панели. На экране побежали строки.

— Три минуты, — сказал он.

— У нас две.

— Почему две?

Мэй посмотрела на камеру в углу.

— Потому что она слишком новая для старой схемы.

Линь тихо выругался.

— Ты только что испортил мой образ культурного человека, — сказала она.

— Культурные люди тоже не любят незапланированные камеры.

— Культурные люди не вскрывают водные узлы.

— Это спорный вопрос.

Он работал быстро. Мэй стояла у двери и слушала здание. Шаги за стеной, далёкий гул насосов, щелчки системы, дыхание Линя, который всегда задерживал воздух, когда торопился. Она знала его так хорошо, что иногда ей казалось: если его сердце вдруг сойдёт, она услышит раньше него.

На панели вспыхнул красный знак.

— Линь.

— Вижу.

— Это плохо?

— Это оскорбительно.

— Для кого?

— Для меня. Они поставили детскую защиту поверх военного протокола.

— Переведи.

— Они думали, что сюда ползет вор, а не историк.

— Вор бы уже украл и ушёл.

— Вор не нашёл бы скрытый реестр.

Мэй хотела ответить, но в этот момент внизу, за основной дверью, раздался голос. Не охранника. Чиновника. Уверенный, раздражённый, привыкший, что двери открываются до того, как он просит.

Линь поднял глаза.

— Смотритель?

— С двумя охранниками, — сказала Мэй. — Может, с тремя. Один тяжёлый.

— Ты слышишь вес людей?

— Я слышу глупость в походке.

— Это не научно.

— Зато работает.

Он вытащил носитель и кивнул на боковой проход.

— Ключ у него.

— Тогда я возьму.

— Без горла.

— Ты сегодня очень требовательный.

Она скользнула в тень у двери как вода в трещину. Смотритель вошёл через полминуты: плотный мужчина в чистом тёмном пальто, с лицом человека, который никогда не стоял в очереди за тем, что распределял. За ним действительно было трое: двое охранников и один техник с сонным лицом.

— Почему насос третьей линии снова не отвечает? — раздражённо спросил смотритель. — Если нижний сектор начнёт шуметь до утреннего отчёта, я лично отправлю половину смены на исправительные работы.

Техник что-то пробормотал.

Мэй вышла из тени.

Первый охранник успел увидеть её отражение в металлической панели. Этого оказалось достаточно, чтобы он дёрнулся, но недостаточно, чтобы поднять оружие. Мэй ударила его рукояткой ножа в висок, ушла под руку второго, подсекла его ногу и поймала падающее тело, чтобы оно не ударилось о трубу. Третий — тяжёлый — оказался быстрее, чем она ожидала; его кулак прошёл рядом с её лицом, задел капюшон, и Мэй едва успела уйти в сторону.

— Живыми, — напомнил Линь из-за панели.

— Тогда отвлеки его лекцией!

— У меня нет лекции для такого случая!

— Придумай!

Линь схватил со стола металлический регулятор и бросил в сторону. Тяжёлый охранник на долю секунды повернул голову. Мэй использовала эту долю, шагнула внутрь его стойки и ударила точно в место под челюстью. Он осел на пол медленно, почти обиженно.

Смотритель не двигался.

Мэй приставила нож к его горлу.

— Ключ.

— Вы не понимаете, что делаете, — прошептал он.

— Обычно мне говорят это уже после.

— Совет найдёт вас.

— Совет всё время кого-то ищет. Это у него вместо хобби.

Линь подошёл и снял с шеи смотрителя плоскую пластину доступа. Его взгляд на секунду задержался на пальцах чиновника: мягких, чистых, с дорогим кольцом из тёмного нефрита.

— В нижнем секторе дети стоят за водой ночью, — сказал Линь тихо. — А у вас в личном контуре скрытый резерв на сорок две тысячи литров.

Смотритель побледнел не от ножа. От цифры.

— Это служебный запас.

— Для кого?

— Для чрезвычайной ситуации.

— Голодные люди под окнами не считаются?

Мэй почувствовала, как меняется голос брата, и на миг захотела сама ответить вместо него, потому что Линь, когда злился, становился слишком спокойным. Это было опаснее крика. Он мог простить грубость, страх, даже трусость. Но не ложь, прикрытую правильной формулировкой.

— Линь, — сказала она.

Он моргнул и словно вернулся.

— Да. Ключ.

Она ударила смотрителя в нужное место, и он беззвучно сполз на пол.

— Ты всё-таки получаешь удовольствие от моей доброты, — сказала она.

— Огромное.

Они открыли резерв за сорок секунд. Линь ввёл подмену в отчёт, перенаправил часть потока в нижний сектор, а Мэй стояла у двери и слушала, как здание впервые за ночь меняет дыхание. Где-то внизу, далеко под ними, вода пошла по трубам туда, где её ждали.

Это не было победой.

Не настоящей.

Через день Совет найдёт ошибку, перепишет отчёт, обвинит техников, придумает новое временное сокращение. Но сегодня ночью несколько сотен людей наполнят канистры до края. Иногда Мэй хватало и этого. Иногда она могла жить от одного «сегодня» до следующего.

Линю — нет.

Он уже стоял у внутренней двери, той самой, к которой вела пластина смотрителя. На её поверхности не было ручки, только старый знак архива: круг, пересечённый вертикальной линией. Символ Единого Порядка выглядел новее, отполированное, официальнее. Этот знак был старше. Грубее. Будто его вырезали в эпоху, когда люди ещё не знали, во что он превратится.

Пластина доступа сработала не сразу. Дверь дрогнула, за ней проснулся низкий механизм, такой древний, что в его звуке было больше камня, чем металла.

Мэй подошла ближе.

— Это вход?

— Нет, — сказал Линь. — Это только путь к нему.

— Ты выглядишь слишком счастливым для человека, который открыл дверь в государственную тюрьму для документов.

Он провёл пальцами по краю старого знака.

— Если я прав, там внизу есть уровень, которого нет ни на одной карте. Не архив Совета. То, что было до него.

— И если ты ошибаешься?

Линь посмотрел на темноту за дверью.

— Тогда я хотя бы узнаю, где ошибся.

Мэй хотела сказать ему что-нибудь резкое. Что ошибки убивают. Что правда не стоит его жизни. Что ей плевать на династию Юнь, Небесный Указ, первые записи, если цена — он. Но слова застряли. Потому что это была бы неправда, и Линь услышал бы её сразу.

Ей не было плевать.

Не так, как раньше.

Может, потому что она слишком долго смотрела на очереди за водой. Может, потому что видела, как дети засыпают с пустыми канистрами. А может, потому что если Линь всё это

время нёс в себе надежду найти начало лжи, она не имела права назвать эту надежду глупостью только потому, что боялась его потерять.

— Ты идёшь первым, — сказала она наконец. — Если пол провалится, я успею сделать вид, что мы не родственники.

Он улыбнулся.

— Очень трогательно.

— Я работаю с тем, что есть.

— Мэй.

Она остановилась.

Линь смотрел на неё уже без улыбки.

— Спасибо, что пошла со мной.

Такие слова были хуже камер, хуже патрулей, хуже любой двери, за которой мог ждать отряд Совета. Потому что на них нельзя было ответить ножом.

Мэй подтянула капюшон ниже.

— Не радуйся. Я здесь только потому, что без меня тебя убьёт библиотека.

— Исторически такое случалось.

— Я передумала. После этой ночи я сама тебя убью.

— Запишу как семейную традицию.

Они шагнули в проход.

Дверь закрылась за ними не сразу. Механизм тянул её медленно, словно давая шанс вернуться. Мэй оглянулась на последний просвет: трубы, холодный свет панели, тела охранников на полу, город, которому они на одну ночь вернули воду.

Потом просвет исчез.

Внизу пахло пылью, железом и старой бумагой.

Линь включил маленький фонарь. Луч скользнул по стенам, выхватил из темноты знаки, которые Мэй не знала, и один, который видела раньше на старых обрывках из Линевых записей.

Лотос.

И меч.

Линь остановился так резко, что Мэй едва не врезалась в него.

— Что? — спросила она.

Он не ответил сразу. Только поднял фонарь выше, и свет дрогнул на каменной плите у поворота. Там был вырезан тот же знак, но под ним проступала строка на древнем языке, неровная, частично стёртая, будто кто-то пытался уничтожить её и не успел.

Линь провёл пальцами по камню.

Мэй не знала этих слов, но по его лицу поняла: он знает.

И боится.

— Линь.

Он медленно перевёл дыхание.

— Здесь написано: «Когда память станет цепью, ищи не того, кто держит замок. Ищи того, кто первым назвал её свободой».

Где-то глубоко под ними что-то ответило низким гулом.

Не механизм.

Или не только механизм.

Стены словно слышали голос Линя и начали просыпаться.

Мэй вытащила нож.

— Скажи мне, что это часть твоего плана.

Линь смотрел в темноту впереди, и в его глазах впервые за всю ночь было не упрямство, не азарт и не знакомая тихая радость найденной истины.

Там было узнавание.

— Нет, — сказал он почти шёпотом. — Это то, что план прятал от нас.
И проход впереди осветился изнутри бледным, невозможным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.